

Олег Усенко,
кандидат исторических наук

БРОДЯГИ С ВИДАМИ НА ТРОН *Галерея лжемонархов от Смуты до Павла I **

№ 52. «Пророк» [июнь 1731 – середина июня 1735]; ; «пастор цесаревны Елизаветы Петровны» [8/9 ? апреля – середина июня 1735]; «богоизбранный король датский и шведский» [24 апреля – середина июня 1735] = Лоренц Карл Далрот

На этот раз мы имеем дело со шведским подданным, финном и христианином-лютеранином. На свет наш герой появился примерно в 1692–1694 годах. «Родом он из Финляндии из города Гелсинфорса (Гельсингфорс, ныне Хельсинки. – *О. У.*). Отец его был во оном городе купецкой человек». О прочих родственниках известно лишь то, что часть их обитала в Ревеле (Таллине). «В молодых летех» Лоренц переехал на запад Финляндии – в Або (Турку), где «ходил... в школу... и учился там феологии» (теологии), а потом, вероятно, помогал отцу в торговле. Он умел читать и писать по-немецки, а также, видимо, по-шведски и по-фински. Скорее всего, он был знаком и с латынью.

Судя по всему, лет в 18–20 Далрот оказался на военной службе и принял участие в Северной войне, но ратная слава его миновала: «В 1712-м году взят он в полон в Лифляндии¹ генералом Иваном Михайловичем Головиным² и отвезён в Санкт-Петербург». О его первом пребывании в России ничего не известно. Возможно, Лоренц вместе с братьями по несчастью жил в доме Головина. «В 1719-м году поехал он с людьми умершаго швецкого генерала Левенгоупта³ из Санкт-Петербурга в Лифляндию» (к своим родственникам?), где, вероятно, и женился. Из Лифляндии Далрот направился в Стокгольм, «где он швецкого генерала Армфелта⁴ при швецком войске в Саволакской пехотной полк ундер-афицером определён и с прочими в Норвегию⁵ камандрован был». В начале 1727 году «по прибытии его назад из Норвегии в Лифляндию уволен он был из королевской военной службы с абшитом (абшид – удостоверение об отставке. – *О. У.*) за руками генералов-маэоров Лода и Стернстрала. И дан ему был по прошению его паспорт в Санкт-Петербург для искания себе военной службы».

Вторично – уже только с женой и детьми – Далрот оказался в Петербурге не позже апреля 1727-го. «И по прибытии его в Санкт-Петербург рекомендовал его умерший генерал-маэор Стерншанц... Ея Величеству государыне императрице Екатерине Алексеевне (умерла 6 мая 1727 г. – *О. У.*), дабы его определить в российскую военную службу. Но понеже оный генерал-маэор в то время в Персию отправился, того ради оное старание о принятии его в службу пресекло. И с того времени жил он с женою и с детьми у Кормидона⁶ по 729-й год. И во оном году, взяв у означенного Кормидона паспорт (которой в полиции записан), поехал он в Ревель для свидания с своими сродниками. И во октябре месяце того ж году из Ревеля паки назад в Санкт-Петербург поехал».

Вероятно, жену и детей Далрот оставил на попечение ревельских родственников, ибо о его семье упоминаний больше нет. Вернувшись в столицу, он стал, судя по всему, бедствовать и потому скитаться. В мае 1730-го он покинул и дом Кормедона, и столицу вообще – поселился «морского флота у капитана Шилинга (Шиллинга – из курляндских баронов? – *О. У.*) в мызе его в Ёнгермоландии⁷, называемой Горья Волда». Затем наш горемыка вернулся в столицу, откуда в феврале 1731-го «пошёл... в Дерпт⁸ к тамошнему стагалтеру (штатгальтеру, то есть наместнику. – *О. У.*) барону Стремфелту». Стремфельд, возможно, был давним знакомым Далрота, ибо тот какое-то время жил у барона. В апреле – начале мая 1731-го Лоренц направился в Ригу, но, проделав часть пути, вернулся в Дерпт.

Причём вернулся новым человеком – «пророком» и «королём». Об этой метаморфозе и сопутствующих обстоятельствах он потом рассказывал так:

«Токмо на дороге всемогущий Господ Бог ево, подобно апостолу Павлу, остановил, так что он в великий трепет и ужас пришёл, на землю пал и слышал голос с неба, сказавший ему: "Встань и иди назад". А ввечеру около девятого часу небо отворялось, и тогда он, паки на землю пад, "Отче наш" проговорил. Потом он слышал голос, сказавший ему: "Молиси, молиси". И видел он в воздухе великое множество людей, також де и их императорские величества императора Петра Первого и императрицу Екатерину Алексеевну, и графа Фёдора Матвеевича Апраксина⁹; и многие тысячи из земли встали и кланялись оным. Потом небо потемнело и осталось в воздухе одна звезда. И тогда он, паки на колена пад, молился, и, встав, по сём видел он две старые на земле стоящие персоны, которые с ним беседовали. Також де и все древы птицами наполнены были, которые с ним по разным языкам говорили. Потом видел он одного младенца, стоящего при огне, которой в книге читал, пока наконец всё невидимо стало. И на оном месте остался он даже до полудня. И тогда он оттуда по повелению всемогущаго Бога, а имянно "Что свяжет на земли, будет связано и на небеси, и что разрешите на земли, будет разрешено и на небеси", со многими тысячами другими повелениями, а имянно о покаянии и исправлении здесь, на земле, паки назад в Дерпт пошёл. И на дороге напали на него латышские мужики, которые ево топорами били и ранили, також и писма ево, а имянно абшит и паспорт, у него отняли, при чём он повеление Божие слышал, чтоб он оным побоям бес противности подвергался. Потом по захождении солнца всемогущий Господ Бог ему велел на землю пасть, которое он и учинил, и тогда Святой Дух во образе голубя на него пришёл, так что он на том месте чрез всю ночь остался. А на другой день поутру слышал он голос, сказавший ему: "Ты – король дацкий и швецкий!" Потом Святы Дух, паки на него пришед, сказал ему: "Иди ныне к Ея Величеству императрице Анне Иоанновне". И тогда пошёл он в Дерпт...»

Если о своих притязаниях на монарший статус Далрот молчал ещё долго,

---

* Продолжение. Начало см.: Родина. 2006. № 6–10, 12; 2007. № 1–3, 5, 7, 9–11; 2008. № 1, 4, 5, 7.

[с. 47]

то роль пророка примерил весьма скоро. Пожив у барона Стремфельда пять недель и получив от него «паспорт», Лоренц «пошёл... из Дерпта в Санкт-Петербурх. И на пути увещевал он народа к покаянию и исправлению, понеже де наказание Божие, а имянно голод, стужа и мороз над землёю приидут».

С ноября 1731-го «пророк» жил в Петербурге у Христиана Эрнестовича Глика (Глюка), советника Юстиц-коллегии лифляндских и эстляндских дел. После возвращения двора в Петербург (16 января 1732 года) Лоренц «по повелению Божию писменное прошение о держании четырёх общих постных и молитвенных дней Ея Императорскому Величеству, да такое ж представление и господину генералу-фельдмаршалу графу фон Миниху подал, токмо на оные никакой резолюции не получил».

В апреле 1732 года Далрот покинул столицу – пошёл «в... уезд до Спанковой кирки без паспорта, точию по повелению Божию, где он чрез всё лето болен лежал. А в сентябре... того ж году оттуда паки назад в Санкт-Петербурх пошёл и жил тогда на Васильевском острове в доме генерала-лейтенанта Генинга¹⁰ по генварь... 1733 году».

Потом «пророк» почти полтора года бродил по столичным окрестностям, посещая «Дудерову мызу» (Дудергоф, или Красное Село), «Сарскую мызу» (село Саарское, с 1808 года – Царское Село) и Петергоф. Приют находил он «у тамошних крестьян». Если верить Лоренцу, «в Сарской мызе он народа к покаянию и исправлению по повелению Божию увещевал, и потому должность пасторскую исправлял, и у Ея Высочества часто там бывал». В принципе, Елизавету Петровну Далрот вполне мог видеть, ибо она любила Саарское и

часто там жила. Но что касается «увещеваний», то их он мог адресовать, очевидно, лишь местным финнам, поскольку вряд ли хорошо владел русским языком.

В мае 1734-го наш герой ненадолго вернулся в столицу, и там якобы «цесаревна Елисафет Петровна ево некогда увидела и у него спросить изволила, кто он такой и чего ради он всегда на небо смотрит. На что он ответствовал: "Цари и князи суть пепел и пыль, и дух их отыдет, и вспомогать мне не могут, кроме единого всемогущаго Бога". Токмо он от помянутыя государыни цесаревны без милости и вспоможения оставлен был. И со оногo мая месяца жил он иногда в Калинкине деревне¹¹, иногда в Катерингофе¹² и около Санкт-Питербурха у крестьян». Не позже ноября того же года Лоренц опять был в столице. По его словам, в ноябре «цесаревна Елисафет Петровна платья, которое он ныне носит, ему пожаловать изволила».

В марте же Далрот взял путь на север: «пошёл он из Санкт-Питербурха без пашпорта, точию по повелению Божию, в уезд в Новую кирку и прибыл накануне Святыя Пасхи (в 1735 году Пасха была 6 апреля. – *О. У.*) на заставу Чёрная Река, где у него караулный ундер-офицер спросил, имеет ли он пашпорт. И он на то, показав свою книжку, ответствовал: "Я де персона духовная", – и задержан был там ночь. А на другой день поутру оный ундер-офицер ему сказал, что "Надобно де тебя в Выборх отвесь", – на что он ответствовал: "Как де ты хочеш". И тако он с одним салдатом от оной заставы до Выборха отведён был и прибыл в Выборх в третей день Святыя Пасхи».

Очередным пристанищем Далрота стала выборгская тюрьма. 8 или 9 апреля его допросил «обер-комендант Выборгской провинции» генерал-лейтенант Арефий (Алферий) Степанович Декулон (де Кулон). Как потом вспоминал самозванец, он генералу «имяни своего не объявил для того, что он к тому от Бога повеления не имел». Зато «по повелению Божию» Лоренц «объявил себя государыни цесаревны Елисафет Петровны пастором» и сообщил, что «при Ея ж Высочестве всегда за одним столом обеживал».

22–23 апреля Далрота привезли в Тайную канцелярию. Но оттуда его сразу переправили в Военную коллегия. Там Лоренц поведал о своей жизни и заявил наконец о том, что уготован Господом к управлению Данией и Швецией. При этом он отрёкся от слов, что часто обедал с Елизаветой Петровной. 7 мая новоиспечённого лжемонарха вернули в Тайную канцелярию, где он «в роспросе сказал то ж, как и в Военной калегии допросом показал, и притом говорил наподобие того, как сумозбродные, чего ростолковат и к склонению речей написат неможно. И по усмотрению означенной Далрот, по-видимому, якобы в уме повреждён, чего ради более не спрашиван и отдан под караул по-прежнему».

16 мая глава Тайной канцелярии Андрей Иванович Ушаков сделал царице доклад, после чего она передала дело «в кабинет господам министрам». Те сразу же указали «послать оногo Далрота в Выборх» и «содержат ево до указу под крепким караулом». 21 мая арестант уже был в руках Декулона.

Приговор был вынесен 3 июня 1735 года. Надлежало отвезти самозванца «за швецкую границу и отдать ево пограничному управителю, и по отдаче объявить, что оногo Далрота за имевшим ево сумозбродством, в котором учинил многие непристойные дела, надлежало было для исправления отдать в здешней монастырь, но понеже он закона люторского и подданной короны швецкой, того ради отдаётся ему, пограничному управителю, а впредь Ея Императорского Величества подданным из-за границы в города Российской империи отнюдь оногo Далрота не пропускать...»

6 июня Ушаков отправил Декулону соответствующее послание, и, должно быть, в середине июня Далрота выслали за пределы России. Больше о нём ничего не известно.

Источник

РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 367. Ч. 1. Л. 195, 228–255.

№ 53. «Пророк и богоизбранный жених императрицы Анны Иоанновны» [10 мая 1735 – после 17 августа 1766 ?] – Алексей Филиппов сын Костюнин

Этот самозванец был российским подданным, православным и, видимо, русским. Он родился и вырос на вотчинных землях Юрия Алексеевича Ржевского – в деревне Уткиной (у села Покровского) Карачевского уезда. Дата рождения Алексея неизвестна. Можно лишь предположить, что на свет он появился в конце XVII века. О его родных тоже нет упоминаний. Мы не знаем и того, обзавёлся ли он своей собственной семьёй. Зато известно, что он был неграмотным и весьма набожным. Так, Алексей ходил на поклонение к «явленной» иконе Святителя Николая в расположенный неподалёку Одрин-Николаевский монастырь и к Печерской-Свенской иконе Богоматери в Брянский Успенский монастырь.

Примерно с весны 1730 года у него начались видения – «как он... по ночам спал». Первое видение было таким: «показалось ему, будто бы ево... ударило оземь, а в небе де над Москвою видел, что стоял крест, которой держали два ангела, а выше де креста стоял человек и обеими руками благословлял, а облака де по обеим сторонам шли за ним, Костюниным, и над головою де ево аки голубь с небеси стоял». Где-то в мае – декабре 1730-го он «в деревне помещика ево видел, что пришли де к нему святые Николай Одринской и Сергей чудотворцы, Иоанн Войственник (Воин. – *О. У.*), Иоанн Предтеча и говорили ему: "Молис де ты Николаю Чудотворцу – будет де тебе государыня Анна Иоанновна обручницею. И тогда де учинится молба на двенатцать лет, и турецкой де салтан со всем своим

[с. 48]

воинством ей, государыне, покоритца без бою и бес крови и креститца де в рускую веру, и подушныя де денги тогда збавят на столко лет, сколко она, государыня, и все сенаторы придумают"».

О своём высоком жребии Алексей никому не сказал, но в начале 1731 года сбежал: «из оной деревни сошёл он... в Москву для моления, понеже де он... в то время был в уме повреждён. И по приходе в Москву, купя восковую копеешную свечю, шёл он в Успенской собор к литургии мимо дворца Ея Императорского Величества. И как он мимо дворца шёл, и тогда де Ея Императорское Величество изволила смотреть в окно и, увидя ево, соизволила приказать взять. И генералы де Салтыков (Семён Андреевич. – *О. У.*) да Ушаков ево... взяли и привели перед Ея Императорское Величество. И Ея Императорское Величество соизволила ево... спрашивать: "Что де ты за человек?" И он де... Ея Императорскому Величеству донёс, что он человек Юрья Ржевского, а пришёл в Москву молитца. И притом де у Ея Императорского Величества просил он... чтоб ево... в Ызмайловской полк написать в салдаты, но токмо де в солдаты он не написан».

Это, конечно, вымысел. Но, вероятно, Алексей и впрямь околачивался в Кремле; его поведение вызвало подозрения; он был задержан и попал под следствие. Примерно в июне – июле 1731 года «послан он... под караулом в Николской монастырь, что на Угреше¹³, и велено ево в том монастыре содержать под началом до тех мест, как в уме исправитца. И он де... в том монастыре жил три года и десять месяцев, и в уме де исправился...»

Однако весной 1733 года Костюнин «видел, что пришла к нему Пресвятая Богородица Печерская и Антоний и Феодосий Печерския ж¹⁴ и Николай Одринской чудотворцы и говорили ему: "Поди де ты и донеси государыне, чтоб поехала в Киев богу молитца со всеми господами и кавалерами; и как де поедет, то де всех врагов под ноги свои покорит, и славу де свою прославит, и во всей де Великой и Малой и Белой России будет хлеб родитца, и будет де ей, государыне, здравие на многия и долгиа лета со всем христоролюбивым воинством и родом христианским, с священным собором и монашеским чином"».

Весной 1734-го «в бытность ево в означенном же монастыре видел: пришли де к нему... Пресвятая Богородица и святые Кирила Белозерской, Николай и Сергей чудотворцы, Иоанн Богослов, Иоанн Предотека и говорили ему, Костюнину: "Пооди де ты в Питербурх и донеси государыне, чтоб приказала построить во имя наше церковь – где Ея Величество и все сенаторы придумают"».

О видениях Алексей по-прежнему молчал. И правильно делал: судя по всему, монастырское начальство, решив, что он образумился, предоставило ему некоторую свободу. То ли потому, что Костюнин был крайне беден, то ли потому, что впечатлял окружающих своей набожностью, то ли из-за того и другого некий приезжий подарил ему «платье волосяное чёрное, тканое из лошадиных грив и хвостов, зделанное наподобие того, как женской сарафан; у того ж платья около воротника и у рукав и у подола обшито из лоскутьев красного и василкового сукна». Сей наряд был у Костюнина единственным, и весьма вероятно, что наш герой носил его до конца своих дней.

В апреле 1735-го он совершил побег. «И не стерпя де в том монастыре голоду, что ему... давали хлеба на неделю по десяти, а монахом де дают по дватцати по два фунта, из оного монастыря ушёл и пошёл в Санкт-Питербурх просить у Ея Императорского Величества милости, чтоб ево отпустить по-прежнему в деревню помещика ево, и что хотел де он... Ея Императорскому Величеству донести о бывших ему во сне видениях. Но токмо де по приходу своём в Санкт-Питербурх, как он пришёл в соборную церковь Живоначалныя Троицы, и той де церкви протопоп, неведомо для чего взяв ево... отвёл в Санкт-Питербурхское духовное правление». Задержание было 10 мая, а причиной стало «юродственном платье» Алексея, из-за которого для духовных лиц он был «ханжа» – нарушитель благочиния.

В тот же день состоялось «проявление» самозванца. Судье Иосифу (архимандриту Калязинского монастыря), секретарю Василию Тишину и канцеляристу Иоакиму Гребенщикову задержанный сообщил своё имя, статус и при этом «бредил, будто ему были разные видения... якобы и то ему бредилось, что ей, государыне, быть ему обручницею». Такие речи присутствующие «записывать не стали, но, пошед в Святейший Правительствующий Синод, объявили... преосвященным Леониду, архиепископу Сарскому и Подонскому, Питириму, архиепископу Нижегородскому и Алаторскому. И по приказу их святейшества велено, не записывая того ничего, отвести оного ханжу в Канцелярию тайных розыскных дел...»

Ведомство Ушакова приняло самозванца 12 мая. На следующий день «в роспросе» Костюнин рассказал о своей жизни и заявил, что о видениях «никому не сказывал... чтоб о том объявить самой Ея Императорскому Величеству и духовному Синоду». Но его сочли «повреждённым в уме». 16 мая Ушаков доложил о нём государыне, а затем дело перешло в Кабинет. По приговору от 6 сентября 1735 года лжемонарха ждала новая ссылка в монастырь. 26 сентября Костюнин был принят в Синоде и вскоре отослан в Кирилло-Белозерскую обитель.

По указу Екатерины II от 21 июня 1766 года началось освидетельствование монастырских заключённых, признанных ранее безумными. Судьба Алексея должна была вершиться так: «Буде в уме – отослать к помещику, а без ума – оставить тут на нынешнем основании до учреждения домагузов» (домов для умалишённых. – *О. У.*). Между 1 и 16 августа 1766 года в столицу была послана «отписка» с итогами осмотра заключённых в монастырях Вологодской епархии. Автор документа – Никанор Ковалёв, сотрудник Вологодской провинциальной канцелярии – писал: «...Крестьянин Алексей Костюнин по примечанию моему находитца ещё в сумозбродстве и вне ума своего и впред к исправлению ненадёжен». Этот вывод и решил судьбу нашего героя. Новый приговор гласил: «Как по свидетельству оказался он в прежнем повреждении, то и оставлен он в том же монастыре на прежнем основании». Скорее всего, Алексей окончил дни в Кирилло-Белозерской обители, так и не отринув своей мифической ипостаси.

Источники

РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 5. Ч. 3. Л. 71 об.; Ч. 5. Л. 343–344; Д. 367. Ч. 1. Л. 195–225; Оп. 2. Д. 2047. Ч. 1. Д. 4. Л. 55–57 об.; Ч. 2. Л. 198, 199.

Примечание

---

¹ Лифляндия включала современную Латвию и часть Эстонии.

² Головин И. М. (1673–1738) – соратник Петра I, один из создателей русского флота, адмирал (1732).

³ Левенгаупт Адам Людвиг (1659–1719) с 1709 г. жил в России как военнопленный.

⁴ Армфельд Карл-Густав (1666–1736) был главнокомандующим в Финляндии.

⁵ С 1397 г. Норвегия была в унии с Данией. При этом шведские войска регулярно вторгались в пограничные области Норвегии.

⁶ Гоф-интендант Антон Кормедон (1679–1739) владел домом на Фонтанке близ Троицкого подворья.

⁷ Ингерманландия (Ингрия) – земли от Финского залива до Ладожского озера.

⁸ Дерпт (Юрьев, Тарту) с 1704 г. был в составе России.

⁹ Ф. М. Апраксин (1661–1728) – полководец, нанёсший ряд поражений шведам, фактический правитель Финляндии в 1714–1719 гг.

¹⁰ Геннин (Геннинг, де Геннин, Дегенин) Георг Вильгельм (Виллим Иванович) (1676–1750) – артиллерист, генерал-лейтенант (1728), начальник уральских горных заводов (1722–1734).

¹¹ Деревня Калинки (Калинкина, Кальюла) лежала к юго-западу от Петербурга, близ устья Невы.

¹² Екатерингоф – загородный парк с дворцом к юго-западу от Петербурга, южнее Калинок.

¹³ Николаевско-Угрешский монастырь был в 15 верстах от Москвы.

¹⁴ На Печерской-Свенской иконе Богоматерь сидела с Христом на коленях, а по сторонам стояли Феодосий и Антоний.